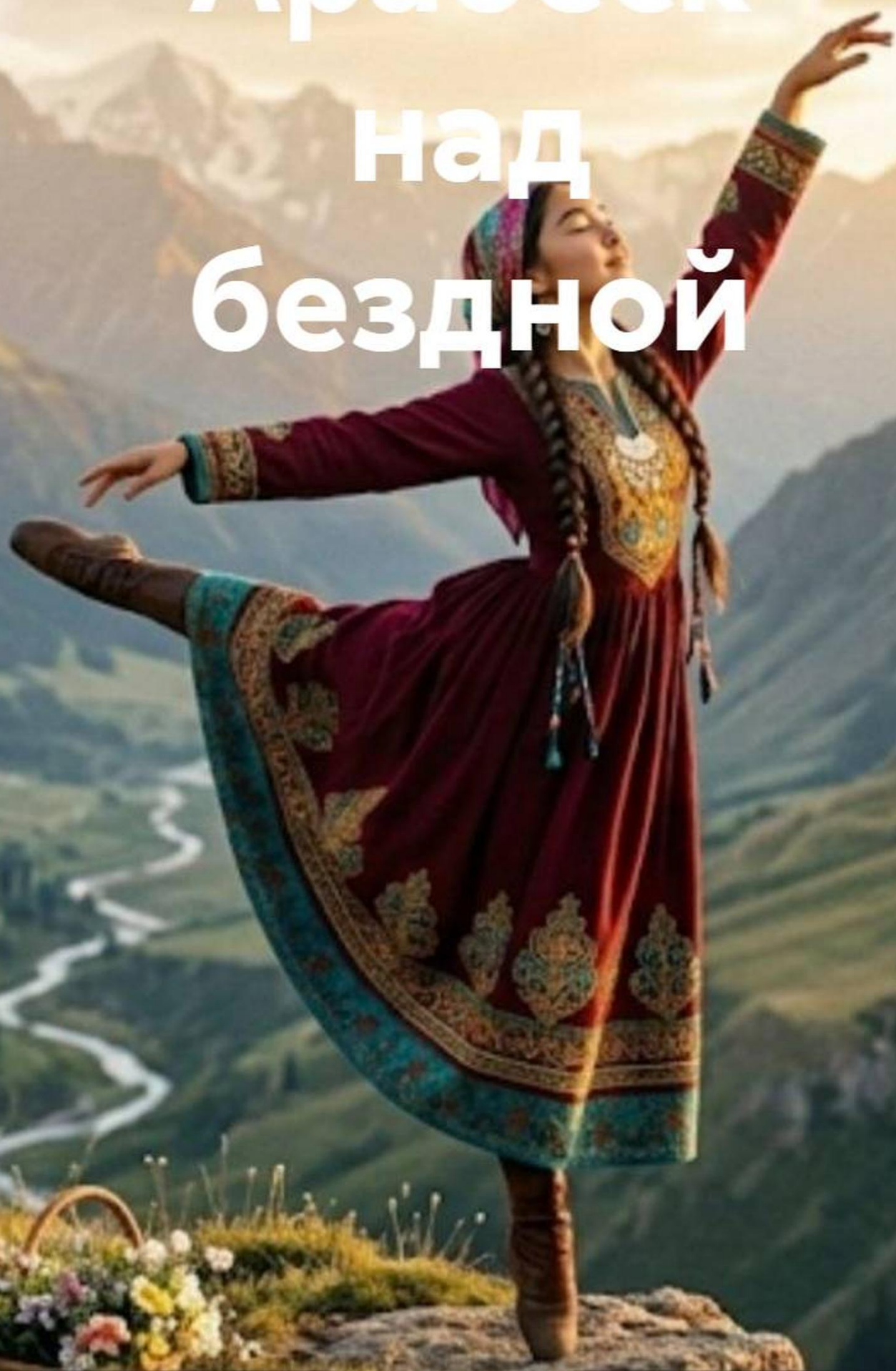

Zulfira Altynbekova

Арабеск

над бездной

Zulfira Altynbekova

Арабеск над бездной

«Автор»

2026

Altynbekova Z.

Арабеск над бездной / Z. Altynbekova — «Автор», 2026

Секреты прошлого не умирают — они лишь ждут своего часа в суровых глубинах гор. Когда международная корпорация пытается наложить руки на советский военно-биологический проект «Эффект-15», в скалистых ущельях Туранской автономной республики начинается тайная война. Американский спецгент Джон, работающий под прикрытием, и молодой местный джигит Улан оказываются в самом центре безжалостной охоты. Но судьба связывает их не только общим врагом и смертоносным токсином. Между суровым чужаком-шпионом и гордым сыном гор встает Айсулуу — девушка, чьё сердце станет главной наградой и самой опасной ловушкой в этой игре. В безумной гонке на выживание среди заброшенных бункеров стирается разница менталитетов. Мужчинам предстоит принять неравный бой, где на кону стоят их жизни, свобода древней земли и любовь, ради которой один из них готов пожертвовать всем.

© Altynbekova Z., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Проект «Пегас»	5
Глава 2. Камча и поцелуй	7
Глава 3. Мертвая зона	9
Глава 4. Протокол "Эффект 15"	11
Глава 5. Ярость кочевника	13

Zulfira Altynbekova

Арабеск над бездной

Глава 1. Проект «Пегас»

Вашингтон, округ Колумбия. Оперативно-аналитический центр Управления. 09:14 утра.

В подземном бункере пахло морозным озоном от работающих серверов и остывающим кофе. Здесь не было окон — только матовые люминесцентные панели на потолке и холодный полумрак. Джон сидел на жестком стуле напротив массивного стеклянного стола. На нём был простой серый свитер с чужого плеча; но безупречная армейская осанка и плотная, вьёвшаяся мозоль на основании указательного пальца — след от тысяч часов, проведённых с оружием в руках, — выдавали в нём человека действия.

— Посмотри на экран, Джон, — Вэнс, куратор операции, нажала кнопку на пульте. Её холодные серые глаза не выражали абсолютно ничего. На огромной плазменной панели, занимавшей всю стену, развернулась трёхмерная топографическая карта Тянь-Шаня. Масштаб резко увеличился, пролетая сквозь облака, и зафиксировался на узком, зажатом между острыми скалами ущелье.

— Туранская Автономная республика, — сухо произнесла Вэнс.

— Три года назад международная частная военная корпорация «Арех Global» выкупила этот высокогорный участок в ущелье Таргын. Официальный фасад — элитный конезавод для выведения и тренировки чистокровных скакунов. Но наши спутники зафиксировали кое-что поинтереснее навоза и конских попон.

Карта сменилась тепловизионной картинкой. Зелёные контуры конюшен и левад перекрывались мощным, уходящим глубоко под землю алым свечением.

— Подземный бункер третьего уровня защиты, — продолжила куратор.

— Туда завозят лабораторное оборудование военного класса. Наш человек внутри «Арех Global» успел передать файлы за два часа до того, как его тело нашли в реке со сломанной шеей. Официально они исследуют селекцию. Неофициально — они синтезировали уникальный препарат на основе редчайшего эндемичного гриба, который растёт только на этих конкретных высокогорных склонах.

— Допинг для скачек? — глухо спросил Джон. Его голос звучал спокойно, но пальцы на столе едва заметно подобрались. Как парень, выросший на ранчо в Техасе, он знал, какие деньги крутятся на ипподромах.

— Если бы, — Вэнс вывела на экран медицинские графики.

— На их препарате туранские лошади начали ставить анатомически невозможные рекорды скорости и выносливости. Они обходят чистокровных английских фаворитов, как стоячих. Но это лишь дымовая завеса, Джон. Месяц назад «Арех» начала закрытые тесты на людях. Они адаптируют формулу гриба. Они создают био-стимулятор, который превратит обычный отряд пехоты в супер-солдат, способных совершать многокилометровые марш-броски в условиях экстремального высокогорья без усталости и признаков гипоксии. Идеальное оружие для горных конфликтов.

— В чём подвох? — Джон прищурился.

— Бесплатного сыра не бывает. Тем более в биохимии.

— Побочный эффект, — кивнула Вэнс, и на экране появился патологоанатомический отчёт с жуткими снимками разорванных тканей.

— Ровно через шесть месяцев непрерывного приёма препарата сердечная мышца истощается и буквально взрывается от перегрузки. Сердце превращается в кашу. Но корпорацию это не волнует. Через десять дней в этой долине они устраивают закрытую презентацию формулы для теневых покупателей. Нам нужны образцы оригинального гриба и копия формулы до того, как они зачистят лабораторию и пустят товар в оборот.

Вэнс выключила экран. В бункере снова воцарился полумрак.

— Официально туда не зайти — у них свои люди на границе, а небо простреливается радарными. Ты зайдёшь пешком со стороны диких перевалов. Рюкзак, палатка, спальник и легенда отчаянного американского бэкпэкера-экстремала, путешествующего по Азии. Никакого оружия. Твоё техасское детство — твоё лучшее прикрытие. Если тебя поймут у загонов, ты просто глупый иностранный турист, который любит лошадей. Задача понятна?

Джон молча поднялся со стула, забирая зашифрованный флеш-накопитель.

— Понятна.

— И учти, Джон, — добавила вдогонку Вэнс.

— Местные в аулах очень консервативны. Чужаков они не любят. Будь осторожен.

Два дня спустя ледяной, пронзительный ветер Тянь-Шаня швырнул Джону в лицо горсть мелкой гранитной пыли, заставив его закашляться и вынырнуть из воспоминаний о стерильном бункере Вашингтона. Он стоял на узкой горной тропе, поправляя лямки тяжёлого сорокакилограммового рюкзака. Сделав глубокий вдох разреженного, пахнущего пылью воздуха, Джон сверился со спутниковым навигатором на запястье. Цель была близка — за следующим скальным выступом начинался спуск в обитаемую долину. Джон сделал шаг вперёд, обогнул валун... и замер, забыв, как дышать. На самом краю стометрового обрыва, залитая лучами утреннего солнца, стояла девушка. В ярком туранском платье с традиционной вышивкой, спиной к нему, она застыла в безупречном, геометрически совершенном балетном арабеске. Одна её нога струной уходила назад в небо, а хрупкое тело балансировало над бездной, на дне которой яростно пенилась и ревела бирюзовая горная река. Это было невероятно красиво. И... смертельно опасно.

Глава 2. Камча и поцелуй

Каньоны Тянь-Шаня редко идут идеальным вертикальным срезом. Они идут «ступенями».

Незнакомка стояла над гигантской бездной, но вдруг камень предательски заскользил под её ногой. Девушка сорвалась в воду, поток моментально понёс её к краю бездны. Джон не раздумывал — в ту же долю секунды включились рефлексy, вбитые годами тренировок в спецназе. Мозг мгновенно выдал чистый расчет: траектория падения, скорость течения, точка перехвата. Прыжок с уступа вышел идеальным, на грани человеческих возможностей. Ледяная бирюзовая вода обожгла тело сквозь одежду, словно жидкий азот. Горный поток подхватил девушку, увлекая на глубину, но Джон уже был там. Он перехватил её поперек талии, рванул вверх, борясь с бешеным течением в метре от срывающегося в бездну потока. С невероятным усилием воли ему удалось вырвать несчастную из смертельной хватки реки. Она судорожно глотала воздух — бледная, промокшая насквозь и мелко дрожащая. Джон быстро схватил свой влагозащищенный штурмовой рюкзак. Одним движением он вытащил оттуда сухую, высокотехнологичную тактическую куртку, предназначенную для экстремальных температур, и плотно завернул в неё девушку. Оставлять её здесь было нельзя. Преодолевая крутой подъем, он понёс её по горной тропе прямо к окраине аула. Появление чужестранца с продрогшей дочерью старейшины на руках подняло в селении настоящий переполох. Передав Айсулуу — ту самую исполнительницу арабеска над бездной — взволнованным родственникам, Джон вежливо, но твердо отказался от немедленного приглашения к столу, сославшись на работу, — светиться в ауле раньше времени не входило в его планы.

— Скоро Науруз, великий праздник, — крепко пожимая ему руку, с благодарностью сказал отец девушки.

— Ты спас наше солнце, мистер Джон. Весь аул будет ждать тебя. Ты обязан быть на празднике и увидеть наши скачки!

— Я обязательно буду, — спокойно ответил Джон, растворяясь в вечерних сумерках.

Науруз ворвался в ущелье звонкими, стремительными переливами комуза, смехом и ароматом свежего мяса. Аул преобразился: повсюду выросли купола колоритных юрт, дымились огромные казаны с ритуальным науруз-коже, а воздух звенел от весеннего тепла. Для местных жителей этот день был символом обновления, но для Джона он стал идеальным прикрытием. Появление американского «инженера» на празднике встретили с истинно восточным гостеприимством. Аксакалы усадили его на почетное место, а отец Айсулуу лично налил ему прохладный кымыз. Джон держался скромно и вежливо — Лэнгли отлично обучало своих агентов культурной адаптации. Но его взгляд то и дело возвращался к центру гулянья. Айсулуу была там. В своем праздничном национальном платье, со множеством тонких кос и серебряными украшениями, она больше не напоминала ту хрупкую девчонку, которую он вытащил из воды. В её движениях снова читалась балетная грация, но теперь — соединенная с гордой осанкой степной наездницы. Она поймала взгляд Джона, и между ними словно протянулась невидимая нить. Ей не нужны были слова: она знала, чьи стальные руки удержали её над бездной.

— А теперь — Кыз куу! Догони девушку! — объявил в микрофон ведущий, и толпа взорвалась криками.

Первым вызвался Улан. Оседлав горячего гнедого коня, он попытался догнать Айсулуу, которая на своем белоснежном скакуне сорвалась с места подобно ветру. Улан был уверен в себе, но девушка не собиралась поддаваться. Она искусно лавировала, уходя от преследования, а когда парень зазевался, резко развернулась в седле и наотмашь хлестнула его камчой по плечу под оглушительный хохот всего аула. Улан вернулся к линии старта посрамленным и злым.

Старейшины, посмеиваясь, обернулись к Джону:

— Ну что, мистер Джон? У вас в Америке только на железных конях умеют? Справишься с нашей красавицей? Или испугаешься девичьей плетки?

— У моего деда было ранчо в Техасе, я там вырос, — спокойно ответил Джон, поднимаясь с места.

В его словах не было ни капли лжи: ковбойское детство подарило ему безупречную посадку в седле, которую позже до сурового идеала отточили в армейском спецназе.

— Я попробую.

Ему подвели вороного жеребца с диким нравом. Местные затаили дыхание, ожидая, что иностранец вылетит из стремян в первую же секунду. Но Джон легко, одним слитным движением взлетел в седло и железной хваткой перехватил поводья. Жеребец мгновенно признал наездника. Айсулуу уже ждала на дистанции. Её глаза азартно блеснули. Взмах платка — и её белая лошадь понеслась вперед, поднимая облака пыли. Американец дал шпоры вороному. Это была не просто игра. Для Джона это был оперативный перехват на максимальной скорости, где секунды решали всё. В ушах свистел горный воздух. Вороной шел мощно, сокращая расстояние с каждым ударом копыт. Айсулуу оглянулась, прибавила ходу, пытаясь уйти, но всадник просчитывал траекторию как на тактическом дисплее. Метр. Полметра. Кони поравнялись, идя ноздря в ноздрю на бешеном скаку. Толпа взревела от восторга. Айсулуу замахнулась камчой, но Джон легким движением уклонился, перехватил её руку за запястье и потянул девушку на себя. На долю секунды мир вокруг перестал существовать — исчезли крики, горы и многоголосый гул праздника. Были только её расширившиеся от удивления глаза и его стальной взгляд. На всем скаку мужчина наклонился в седле и сорвал с её губ горячий, быстрый поцелуй. Зрители буквально взорвались овациями, даже почтенные аксакалы одобрительно закивали, а Улан в стороне позеленел от ярости. Айсулуу, тяжело дыша, осадил коня, её щеки пылали румянцем. Она смотрела на американца с восхищением, окончательно убеждаясь, что этот «инженер» скрывает гораздо больше, чем говорит. Джон триумфально приложил руку к груди, салютуя зрителям. Секретная операция по внедрению в аул была выполнена идеально. Он стал своим. Но Науруз подходил к концу. Солнце медленно садилось за заснеженные пики Тянь-Шаньского хребта, уступая место холодной горной ночи. Праздник стихал, аул засыпал после дневной суеты. К середине ночи в лагере Джона было тихо. Настоящий разведчик не забывал о долге. Сняв праздничную одежду, он облачился в черный тактический костюм, проверил прибор ночного видения и закрепил на поясе георадар. На экранах в Вашингтоне аналитики зафиксировали: датчики пульса агента пришли в норму после пережитого адреналина, тепловой след снова пришел в движение. Джон растворился в темноте ущелья, направляясь к секретным координатам. Туда, где среди мертвых скал ждал своего часа заброшенный советский могильник.

Глава 3. Мертвая зона

Георадар на запястье выдал короткую беззвучную вибрацию — Джон был на месте. В луче тактического фонаря, прикрытого ладонью, выросла массивная гермодверь, вмонтированная прямо в скальную породу. На облупившейся серой краске отчетливо проступал поблекший желтый треугольник биологической опасности.

Объект «Ноль-Четыре». Секретный советский могильник, официально законсервированный в 1991 году. Джон присел на корточки, осматривая запорный механизм. Спецгент затаил дыхание. Он ожидал увидеть вековую ржавчину и намертво прикипевший металл. Но массивный стальной штурвал был чистым. Более того, на резьбе отчетливо поблескивали капли свежей, не успевшей запылиться технической смазки. Сюда кто-то входил. Причем совсем недавно. Надавив плечом на рычаг, Джон бесшумно, миллиметр за миллиметром, повернул штурвал. Гермодверь поддалась с тяжелым, глухим вздохом, выпуская наружу поток застоявшегося, мертвее некуда воздуха, в котором отчетливо пахло формалином и старой проводкой. Луч фонаря выхватил из темноты длинный бетонный коридор. На полу, прямо в вековой пыли, тянулась цепочка свежих отпечатков от тяжелых армейских ботинок. И вели они вглубь лаборатории. Джон переключил фонарь в режим инфракрасного излучения и опустил на глаза прибор ночного видения. Мир вокруг окрасился в фосфористо-зелёные тона. Двигаясь вдоль стены, как бесшумная тень, он держал руку на кобуре пистолета. Отпечатки чужих ботинок привели его к массивным двустворчатым дверям с разбитым стеклянным окошком. Надпись на табличке гласила: «Сектор Б. Хранилище штаммов». Внутри сектора царил хаос. Советские металлические шкафы были выпотрошены, на полу валялись осколки разбитых пробирок и пожелтевшие бланки отчетов тридцатилетней давности. Но самое главное — в центре комнаты стоял вскрытый портативный контейнер-холодильник, который военные использовали для транспортировки опасных биоматериалов. На полу лежал свежий пластиковый хомут от американской экипировки. Джон присел, поднял его и внимательно осмотрел.

В Вашингтоне аналитики ЦРУ, получавшие картинку с его нательной камеры, выдали в наушник встревоженный голос куратора:

— «Пегас», это не контрабандисты из местных. Хомут военного образца. В ущелье работает профессиональная группа. И они забрали то, за чем мы пришли.

В этот момент наверху, у самого входа в бункер, раздался глухой скрежет металла. Гермодверь, которую Джон оставил приоткрытой, с грохотом захлопнулась. Запорный штурвал снаружи провернулся с характерным стальным щелчком. Джон оказался заблокирован в бетонном склепе на глубине двадцати метров. А из вентиляционной шахты под потолком раздалось странное, шипящее шуршание, будто старая система запустила экстренную очистку... или кто-то пустил внутрь усыпляющий газ. Шипение в вентиляции усиливалось. Джон сорвал с пояса тактическую маску-респиратор, затянул ремни на затылке и сделал глубокий вдох. Датчики на запястье тревожно замигали красным — воздух стремительно насыщался усыпляющим газом паралитического действия. Наёмники, укравшие штаммы, оставили эту систему как автономную ловушку для преследователей. Времени оставалось: считанные минуты. Профессионал Лэнгли включил холодный расчет. Джон бросился обратно к гермодвери. Прокрутить штурвал изнутри было невозможно — его заблокировали снаружи, вставив в ручку стальной лом. Но у Джона был козырь, зашитый в тактический ремень — направленный мини-заряд пластиковой взрывчатки С4 размером с монету. Он прикрепил его прямо к петлям массивной двери, отошел за бетонный выступ и нажал кнопку детонатора. Глухой, направленный хлопок сотряс подземный коридор. Мощная гермодверь сорвалась с верхнего навеса и с грохотом повалилась наружу, поднимая тучи вековой пыли и впуская в бункер поток свежего ночного воздуха.

Джон пулей выскочил из задымленного проема на волю, срывая маску, и тут же перекатился за скалу. На горной тропе, в слабом свете луны, он увидел силуэт. Это был наёмник в камуфляже без опознавательных знаков, который как раз затягивал трос на заклиненной двери бункера. Услышав взрыв, диверсант резко развернулся, вскидывая автомат с глушителем прямо в сторону Джона. Секунда — и американец попал бы под перекрёстный огонь. Но вдруг из темноты скал, словно разъярённый барс, на наёмника беззвучно рухнула тень. Это был Улан. Оказалось, он выследил Джона от самого аула из-за ревности, желая поговорить по-мужски. Но вместо этого наткнулся в темноте на вооружённых чужаков. Поняв, что «инженер» в ловушке, а в его горах хозяйничают бандиты, джигит не сбежал. Он дождался момента и пошёл врукопашную. Улан навалился на наёмника, перехватывая ствол автомата. Завязалась яростная, короткая борьба. Профессионал попытался достать нож, но Джон успел среагировать — два сухих щелчка его пистолета с глушителем оборвали схватку. Наёмник кулем повалился на камни. Тяжело дыша, Улан поднялся, рассматривая разбитые в кровь кулаки. Он перевёл взгляд с убитого чужака на пистолет в руках Джона, а затем в упор посмотрел на американца. В его глазах не было страха — только суровое понимание.

— Ты не инженер, американец, — глухо сказал Улан, поправляя пояс. — Экологов стрелять не учат. Кто ты? И что эти волки делают на моей земле?

Джон медленно опустил оружие. Перед ним стоял не трусливый мальчишка, а сильный, надёжный джигит, готовый защищать свой дом.

— Я тот, кто пытается сделать так, чтобы эти волки не уничтожили твой аул, Улан, — ответил Джон, протягивая ему руку. — И, кажется, теперь мы в одной лодке.

Глава 4. Протокол "Эффект 15"

Джон аккуратно перевернул тело убитого наёмника и вытащил из его кармана армейский планшет. Декодер на запястье агента быстро взломал защиту устройства. На экране замелькали зашифрованные файлы секретного советского проекта: «Эффект-15: стимуляция выносливости и мышечной массы элитных пород скакунов» .

— Они украли не боевой газ... — прошептал Джон, быстро пролистывая отчеты, датированные еще восьмидесятыми годами.

— Они украли секретные разработки по генетическому ускорению элитных туранских скакунов.

Улан недоверчиво нахмурился, потирая ушибленное плечо и вглядываясь в светящийся монитор:

— Ты хочешь сказать, что они прилетели сюда и убивают людей ради того, чтобы сделать наших лошадей быстрее? Это безумие.

— Ты не понимаешь, Улан, — Джон был серьезен как никогда.

— В неправильных пропорциях, при попытке массового «апгрейда» популяции, этот препарат становится страшным токсином. Они хотят использовать ваше ущелье как полигон. Если они испытают это на табунах, которые пасутся в низине, — а именно там сейчас находится весь контингент лошадей аула, — заражение пойдет по цепочке. Животные начнут мутировать или падут, а токсин попадет в почву и воду, которую пьют люди.

— Пойми, Улан, вещество уничтожит всё живое в радиусе пятнадцати километров, — хмуро чеканил Джон.

— «Эффект-15» никогда не был лекарством. Перед нами биологическая бомба замедленного действия, — подытожил спецгент.

Парень побледнел. Лошадь для джигита значит куда больше обычного транспорта или имущества. Она — часть души, живая история и вековая гордость степи.

— Они хотят превратить нашу гордость в оружие и отнять отчий дом... — глухо сказал Улан, и в его глазах закипела тяжелая ярость.

— Мой отец, все аксакалы... они держат табуны в низине. Если эти сволочи доберутся до воды...

— Они доберутся, — отрезал Джон.

— В планах на планшете стоит четкая дата. «Эффект-15» будет активирован через сорок восемь часов. У нас есть ровно двое суток, чтобы найти их полевую лабораторию и уничтожить весь запас препарата, пока они не превратили твою землю в мертвую зону.

— Идём, — Улан резко развернулся, его шаг стал быстрее, в каждом движении горела решимость.

— Я знаю короткий путь через хребет. Нам нужно обойти их лагерь сверху.

Они поднимались по узкой, едва заметной тропе, петляющей между спящими скалами. Ночной туман приятно холодил лицо, смывая копоть подземного взрыва. Джон шел вторым, держа автомат наготове, но Улан уверенно вел за собой, зная каждый выступ. На затяжном подъеме, где скалы немного расступались, открывая вид на залитую лунным светом долину, Улан вдруг остановился. Он присел на корточки у самого края расщелины, где на голой, бесплодной земле серебрились в лунном свете удивительные звездчатые цветы, покрытые легким белым пухом. Это были эдельвейсы. Улан аккуратно, стараясь не повредить стебли, срезал несколько штук своим охотничьим ножом. Развернувшись, он протянул небольшой, светящийся в темноте букет американцу.

— На, держи, — глухо сказал Улан, избегая прямого взгляда.

— Отдашь Айсулуу. Я вот нарвал... а ты ей подари. От себя. Она на тебя весь праздник смотрела. Ты её спас.

Джон замер. Агент Лэнгли, привыкший просчитывать сухие оперативные комбинации, сейчас чувствовал себя безоружным перед этой простой, благородной степной искренностью. Улан, понимая, что его дом под угрозой, всё равно оставался мужчиной, готовым признать чужую силу и отступить ради счастья девушки. Джон осторожно коснулся пальцами бархатистых лепестков, но брать букет не стал.

— Эдельвейсы... — тихо произнес Джон и покачал головой.

— Нет, Улан. Я не возьму их.

— Почему? — Улан насупился, в его голосе проскользнула привычная гордость.

— У вас в Америке не принято дарить цветы красивым девушкам? Или брезгуешь моим подарком?

— Понимаешь... — Джон посмотрел на далекие, заснеженные пики Тянь-Шаня, под которыми сейчас спал аул и ничего не подозревающая Айсулуу.

— Она очень напоминает мне этот эдельвейс. Он красив и горд, но растет только здесь, на высоте, питаясь этим чистым воздухом и свободой. Если я выживу, заберу её с собой в Америку, оторву от этих гор и запру в душном мегаполисе — она просто зачахнет, как цветок в неволе. Моя жизнь — это вечные контракты, бункеры вроде «Ноль-Четыре» и грязь. Ей там не место. Она — часть твоей земли, Улан.

Улан молча слушал, и жесткие складки у его губ начали разглаживаться. Разница менталитетов, разделявшая американского оперативника и туранского парня, сейчас растаяла. Перед Уланом стоял мужчина, который любил Айсулуу настолько, что был готов её отпустить ради её же спасения.

— Поэтому, — Джон твердо посмотрел парню в глаза и слегка подтолкнул его руку с букетом обратно.

— Ты сам преподнесешь ей эти эдельвейсы. Когда мы уничтожим «Эффект-15» и спасем твои табуны. Ты останешься здесь, защищать её. А у меня свой путь.

Улан долго смотрел на цветы, бережно спрятал букет во внутренний карман куртки и протянул Джону руку — на этот раз для крепкого, мужского рукопожатия.

— Ты хороший человек, Джон, хоть и шпион, — едва заметно улыбнулся Улан.

— Пойдем. До зари нам нужно выйти к старой овчарне. Если наёмники активируют препарат, первыми пострадают лошади моего отца. Время не ждет.

Овчарня, заброшенная еще в советские годы, встретила их глухой темнотой и запахом прелой соломы. Но вместо овец там обнаружился замаскированный аванпост наёмников — и припаркованный в тени навеса полноприводный трофейный пикап с ключами в замке зажигания. План созрел мгновенно: скрытность больше не имела значения.

Глава 5. Ярость кочевника

Времени на маскировку больше не оставалось. Секундомер в голове Джона отсчитывал последние мгновения до того, как база превратится в растревоженный улей. Фары трофейного пикапа были разбиты, и машина неслась по ночному горному серпантину вслепую, ориентируясь лишь по едва заметным очертаниям скал.

— Держись! — крикнул Джон, намертво вцепившись в руль.

Впереди, разрезая ночную тьму, ожили мощные прожекторы первого кольца охраны. Наемники корпорации среагировали мгновенно: тяжелые бронированные заслоны уже перекрывали въезд, а на вышках послышался характерный, леденящий душу треск взводимых крупнокалиберных пулеметов. Их ждали. Но Джон не собирался тормозить — он лишь сильнее вдавил педаль газа в пол, превращая пикап в несущийся на полной скорости таран. В кузове, среди летящей из-под колес щебенки и жесткой тряски, Улан уже принял единственное верное решение. Здесь не было времени для долгих тактических маневров. Вспомнив ярость степной игры Кок-бору, где всадник и конь становятся одним целым на бешеной скорости, он упал на днище кузова. Армейская служба не прошла даром — руки помнили оружие на уровне чистых рефлексов. Своими ногами он намертво, как тисками, зажал станину тяжелого трофейного пулемета, фиксируя ствол в момент резкого заноса. Стиснув зубы от бешеного напряжения, Улан рванул затвор на себя и нажал на гашетку. Шквальный огонь крупного калибра разорвал ночную тишину. Отдача била в кости, рев очередей глушил, но Улан держал ствол мертвой хваткой. Огненная трасса полоснула по первой вышке. Бетонная крошка, щепки, искры — прожектор лопнул, ослепив стрелка. Следующая очередь срезала настил второй вышки вместе с пулеметным расчетом. Джон сквозь лобовое стекло видел только стену огня и летящие во все стороны гильзы. Впереди выросли бронированные ворота периметра.

— Ложись! — рывкнул он, до отказа выжав газ и инстинктивно пригнулся.

Удар. Скрежет сминаемого металла, треск лопающихся лонжеронов. Пикап подбросило, он пробил заслон насквозь, оставляя позади пылающие обломки, сорванные петли и крики раненых наемников. Тяжело рухнув на все четыре колеса, машина вильнула кормой, но удержалась на асфальте внутреннего двора. Наконец цель была достигнута. В ту же секунду в паре километров ниже по склону, в долине, воцарилась гробовая тишина. Сюда не долетал грохот пулеметов. Ночной аул спал. В тишине был слышен лишь едва уловимый, ленивый лай собак на окраине да монотонный стрекот цикад в сухой траве. Старик Самат медленно вышел на деревянное крыльцо, зябко накинув на плечи потертый шерстяной чапан. Рука, державшая ворот, чуть подрагивала. Он повернулся на север. Там, где черные, острые хребты подпирали звездное небо, беззвучно, одна за другой, расцветали далекие багровые вспышки. Будто зарницы, но слишком тяжелые, зловещие. Старик замер, всматриваясь в темноту. Губы его зашевелились, тихо шепча слова древней молитвы, оберегающей путников в ночной степи. Там, в ледяных скалах, парни проливали кровь. Не ради мести, не ради красивых лозунгов. Они просто делали так, чтобы этот мирный сон внизу продолжался. Дым от горящих покрышек затянул внутренний двор. Пикап юзом занесло к стене наземного ангара. В кузове Улан резко дернул затвор — пулемет ответил сухим, пустым щелчком. Лента кончилась.

— Пустой! — крикнул он, сваливаясь из кузова на асфальт.

В ту же секунду по борту пикапа забарабанил свинец. Наемники опомнились. Прицельный шквальный огонь прижал парней к бетонной стене. Бежать через открытый плац было самоубийством. Прямо перед ними возвышался главный шлюз подземного бункера — монолитная плита из легированной стали, намертво запертая электронным кодом. Ждать помощи было неоткуда, а патроны таяли с каждым выстрелом. Джон перехватил автомат, огрызнулся короткой очередью в темноту и обернулся к Улану:

— В обход! К щитовой! Через хозблок!

Улан, знавший каждый метр местной инфраструктуры еще со времен ее строительства, кивнул. Лицо серое от пыли, глаза сужены. Он рванул к распределительному узлу. Пальцы вцепились в замок стального щита, рывок — дверца распахнулась. Внутри гудели толстые кабели высоковольтной линии. Здесь не было времени подбирать пароли. Улан перехватил кусок сорванной арматуры и наотмашь ударил по оголенным клеммам главного трансформатора. Вспышка. Ослепительный сноп зеленых и синих искр ударил в лицо. Локальная автоматика безопасности базы мгновенно сошла с ума: датчики зафиксировали «критический пожар» в узле жизнеобеспечения и запустили аварийный протокол. По двору разнесся вой сирены. И в ту же секунду многотонная бронедверь бункера, повинаясь логике спасения от пожара, со скрежетом начала медленно приоткрываться, уходя вверх.

— Пошел! У нас тридцать секунд! — заорал Джон.

Они бросились к сужающейся щели, но небо над базой внезапно разорвал тяжелый, вибрирующий рокот. Из-за черного среза скалы, почти задевая брюхом крышу ангара, вынырнул боевой вертолет корпорации. Без предупреждения, без попытки разобраться — пилот сразу зашел на штурмовой круг. Тяжелые пули авиационного пулемета начали крошить бетон в пыль, ровным рядом шагая по стене вслед за бегущими парнями. Улан не успел сделать два шага. Крупный калибр ударил в полуметре от него, рикошет и осколок бетона швырнули его на землю. Следом пуля прошла навывлет по касательной через правое плечо. Кровь хлынула на грязный бетон. Парень хрипнул и обмяк, теряя сознание от болевого шока. Джон сработал автоматически, не думая и не оценивая шансы. Вжав голову в плечи под градом летящей крошки, он ползком преодолел последние метры до заклинившего в пазах шлюза. Каждое движение было выверено годами суровой службы. Одной рукой он выдернул из разгрузки тяжелый кумулятивный заряд, прилепил его прямо на несущие петли и направляющие зазоры закрывающейся двери и рванул чеку задержки. Отползти успел на три метра. Взрыв. Направленный огненный шквал ударил по металлу. Конструкция деформировалась, направляющие скрутило винтом; лопнувшая гидравлика брызнула кипящим маслом. Механизм намертво заклинило. Проход внутрь остался открытым — узкая, рваная щель чуть шире человеческих плеч. Вертолет уже заходил на второй круг, разворачиваясь носом к раскуроченному пикапу. Лобовое стекло кабины озарилось яркой вспышкой — пошел пуск тактической ракеты. Джон не смотрел назад. Он не видел, как огненный хвост управляемого снаряда режет ночной воздух. Он мертвой хваткой вцепился в ворот куртки раненого, слабееющего Улана — как матерый волк тащит за загривок подстреленного волчонка — и мощным, надрывным рывком швырнул его в узкую щель заклинившего шлюза. Следом, ободрав в кровь плечи, протиснулся сам. Секундой позже снаряд влетел точно в кузов пикапа. Взрыв чудовищной силы вывернул наизнанку внутренний двор. Ударная волна и тонны детонировавшего бетона обрушили внешний свод входа. Стальные перекрытия лопнули, погребая под собой проход. Тьма. Вход завалило намертво. Звуки снаружи исчезли, сменившись глухим, давящим звоном в ушах. Парни были отрезаны от внешнего мира — без связи, без медикаментов, в полной темноте. Только тяжелый, рваный стук двух сердец на холодном полу подземного бункера. Враг остался снаружи. Но впереди была абсолютная, неизвестная пустота.